

Дмитрий ЗУБАРЕВ

«8×8», или «ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ШАХМАТЫ»

(Из комментариев к набоковскому «Дару». 1—2)

Памяти моего отца Исаия Матвеевича Зубарева

В этой заметке комментируются четыре фрагмента из третьей главы романа Набокова «Дар». Они впервые появились в печати в 1937—1938 гг. в журнале «Современные записки» (кн. LXV—LXVI) и без изменений (не считая перевода на новую орфографию) вошли в первое отдельное издание романа (Набоков 1952)¹.

Вот эти четыре фрагмента.

1. «Между „Звездой“ и „Красным Огоньком“ <...> лежал номер шахматного журнальчика „8×8“; Федор Константинович перелистал его, радуясь человеческому языку задачных диаграмм, и заметил статейку с портретом жидкобородого старика, исподлобья глядящего через очки, — статейка была озаглавлена „Чернышевский и шахматы“» (с. 191).

2. «Несколько утомленный, но радуясь тому, что трудовой день окончен, Федор Константинович сел в трамвай и раскрыл журнальчик (опять мелькнуло склоненное лицо Н. Г. Чернышевского — о котором он только и знал, что это был „шприц с серной кислотой“, — как где-то говорит, кажется, Розанов, — и автор „Что делать?“, путавшегося впрочем с „Кто виноват?“). Он углубился в рассмотрение задач и вскоре убедился, что, не будь среди них двух гениальных этюдов старого русского мастера да нескольких интересных перепечаток из иностранных изданий, журнальчика не стоило бы покупать. Добросовестные, ученические упражнения молодых советских композиторов были не столько „задачи“, сколько „задания“: в них громоздко трактовалась та или иная механическая тема (какое-нибудь „связывание“ и „развязывание“), без всякой поэзии; это были шахматные лубки, не более, и подталкивающие друг друга фигуры делали свое неуклюжее дело с пролетарской серьезностью, мирясь с побочными решениями в вялых вариантах и нагромождением милицейских пешек» (с. 195).

3. «Жуя и прихлебывая, он снова раскрыл „8×8“ (снова глянул на него исподлобья бодучий Н. Г. Ч.) и тихо стал наслаждаться этюдом, в котором немногочисленные фигуры белых как бы висели над пропа-

стью, а все-таки добивались своего. Отыскалась затем очаровательная четырехходовка американского мастера, красота которой заключалась не только в остроумно запрятанной матовой комбинации, а еще в том, что при соблазнительной, но ошибочной атаке белых, черные, путем втягивания и запираия собственных фигур, как раз успевали устроить себе герметический пат. Зато в одном из советских произведений (П. Митрофанов, Тверь) нашелся прелестный пример того, как можно дать маху: у черных было девять пешек, — девятую повидимому добавили в последнюю минуту, чтобы заделать непредвиденную брешь, как если бы писатель торопливо заменил в корректуре „ему обязательно расскажут“ более грамотным „ему несомненно расскажут“, не заметив, что сразу за этим следует „...о ея сомнительной репутации“» (с. 196—197).

4. «А как-то через несколько дней ему под руку попался все тот же шахматный журнальчик, он перелистал его, ища недостроенных мест, и, когда оказалось, что все уже сделано, пробежал глазами отрывок в два столбца из юношеского дневника Чернышевского; пробежал, улыбнулся и стал сызнова читать с интересом <...> Когда, спустя неделю, он принял телефонное приглашение Александры Яковлевны <...> то „8×8“ с собой не захватил: в этом журнальчике уже была для него сентиментальная драгоценность, воспоминание встречи» (с. 218—219).

Резюмируем содержание приведенных фрагментов. Молодой русский писатель Федор Константинович Годунов-Чердынцев, живущий в Берлине, однажды летом покупает в газетном киоске номер некоего советского «шахматного журнальчика». Будучи любителем шахматной композиции, он знакомится (в несколько приемов) с содержанием соответствующего раздела «журнальчика» и в целом остается недоволен. Его раздражают «упражнения молодых советских композиторов», хотя он и признает их «добросовестными» (впрочем, в одном из их произведений обнаруживается грубый ляпсус). Несколько композиций Федор Константинович оценивает исключительно высоко: этюды неназванного «старого русского мастера» он называет «гениальными», а задачу «американского мастера» — «очаровательной». Перелистывая «журнальчик», писатель постоянно натывается на «статейку» «Чернышевский и шахматы», снабженную портретом ее героя. Сначала Годунов-Чердынцев воспринял «статейку» как курьез, не заслуживающий даже беглого ознакомления (очевидно, ему было известно, что Чернышевский в истории шахмат не оставил ни малейшего следа). Однако, листая «журнальчик» в очередной раз, он «пробежал глазами отрывок из

юношеского дневника Чернышевского» и внезапно ощутил острый интерес к личности автора дневника. Номер «журнальчика» стал теперь восприниматься писателем как «сентиментальная драгоценность», давшая толчок к работе над будущей книгой о Чернышевском.

Хотя без упоминания (пусть беглого) шахмат не обходится почти ни одна работа о творчестве Набокова, а немало исследований впрямую посвящено этой теме (см., например, Moody 1976; Штейн 1981; 1987; Толстая, Несис 1988; Романов, Шихоботь 1988; Росанов, Линдер, Мильштейн 1988; Cesari 1995; Костанди 1996; Янгиров 1997; Владимиров 1999; Зерчанинов 1999; а также Набоков 1986; 1988а; 1988б; 1997; 1999), однако «шахматный журнальчик» из «Дара» и его содержание не удостоились специального внимания. Мы сформулировали пять вопросов, которые возникают при чтении приведенных фрагментов.

1) Первый вопрос (и самый главный): существовал ли в действительности советский шахматный журнал, поместивший на своих страницах статью о Чернышевском и шахматах, и если да, то как этот журнал назывался, кто был автором статьи, каково ее заглавие и насколько точно она описывается в романе?

2) Как зовут «старого русского мастера» и почему Набоков, обычно столь скупой на похвалы современникам (а точнее, его alter ego в романе), удостаивает произведения этого мастера столь необычного эпитета «гениальные»?

3) Кто эти «молодые советские композиторы» и что в их композициях так раздражает героя?

4) Кто имеется в виду под «американским мастером» и какой именно его задачей наслаждается герой?

5) Появлялись ли в печати шахматные композиции, где у одной из сторон «девять пешек», и если да, то в чем их смысл или бессмыслица?

Ответы на первые два вопроса предлагаются вниманию читателей ниже. Что же касается трех последних, то они требуют привлечения дополнительных источников и чисто шахматного материала. Работа в этом направлении продолжается, и автор в недалеком будущем надеется ее окончить².

*   *
*   *

1. Исследователи романа «Дар» молчаливо подразумевали, что «статейка» «Чернышевский и шахматы» является чистой воды фантазией Набокова, и все усилия (надо признать, немалые) по поиску источника набоковского интереса к дневнику Чернышевского прилагали в

иных направлениях. Так, профессор И. А. Паперно в своей четвержды переизданной работе (впервые Rarego 1992) ссылается на весьма скромные результаты предпринятого по ее просьбе палеографического анализа помет на полях хранящихся в Берлинской государственной библиотеке книг, «которыми, по-видимому, пользовался Набоков» (Паперно 1993, 153 примеч. 16). Она также упоминает об осторожном предположении Дж. Малмстада, согласно которому писатель узнал о юношеском дневнике Чернышевского из заметки Владислава Ходасевича, опубликованной в газете «Возрождение» в июне 1933 г. (см. Паперно 1993, 152—153 примеч. 5). Мы же исходили из интуитивной предпосылки, что Набоков описывает реально существующий текст и сопровождающую его иллюстрацию. В поисках этого текста мы исходили из некоторых общих соображений. Статьи на подобные темы («Пушкин и...», «Толстой и...») печатались в СССР, как правило, в специальных изданиях в дни юбилея того или иного классика. Столетний юбилей Н. Г. Чернышевского отмечался 24 июля 1928 г. Специальных шахматных журналов в стране тогда выходило три: один в Ленинграде («Шахматный листок») и два в Москве («Шахматы» и «64: Шахматы и шашки в рабочем клубе»). Набоков, творчески деформируя реальность, обычно сохранял отдельные ее характеристики (особенно визуальные). Поэтому мы начали поиск с последнего журнала — во-первых, только в его название входит цифровая компонента («64» = «8 × 8»), а во-вторых, он (в отличие от «толстого» журнала «Шахматы») по праву может быть назван «журнальчиком» (его объемом — 16 или 32 страницы).

Наша гипотеза подтвердилась. В двояном номере журнала «64: Шахматы и шашки в рабочем клубе», вышедшем из печати в июле 1928 г., обнаружилась «статейка», описанная в набоковском романе (Новиков 1928а; см. фотографию на с. 104). То, что статья, обнаруженная нами, — это и есть та «статейка», которую читает герой Набокова, кажется почти очевидным (а это значит, можно не искать никаких других «журнальчиков» и «статеек» в качестве вероятных источников соответствующего фрагмента романа). Помимо уже упомянутой переключки между романским и реальным названием шахматного журнала, значимость найденного источника подтверждают:

— заголовки статей (ср.: «Чернышевский и шахматы» — «Шахматы в жизни и творчестве Чернышевского»);

— идентичность их содержания (основное место занимают цитаты из только что опубликованного «юношеского дневника Чернышевского»);

— идентичность типографского оформления этих статей (верстка «в два столбца»);

— совпадающая иллюстрация (портрет «жидкобородого старика, исподлобья глядящего через очки»).

Об авторе статьи, подписанной «А. Новиков», известно немногое. «Новиков Александр Андреевич, советский шахматный историк» (Линдер 1960, 89), до начала Великой отечественной войны регулярно печатался в московских шахматных журналах (см., например, Новиков 1928б; 1941).

Итак, обнаружен текст, давший герою романа импульс к созданию «Жизни Чернышевского», которая составила знаменитую четвертую главу «Дара». А поскольку именно с нее началась работа самого Набокова над романом, то, прибегнув к близкой писателю энтомологической метафоре, можно предположить такой «метаморфоз»: найдено яйцо, из которого вылупилась гусеница («Жизнь Чернышевского»), в конце концов превратившаяся в имаго («Дар»).

2. Несложно оказалось установить и личность «старого русского мастера». Это, бесспорно, Алексей Алексеевич Троицкий (1866—1942). Еще будучи петербургским студентом, он в конце XIX в. получил мировую известность как шахматный композитор, автор блестящих этюдов, обошедших шахматную печать разных стран. Уехав в 1897 г. работать лесничим в глухую провинцию, он продолжал эпизодически публиковать свои произведения в русской и зарубежной периодике. После революции Троицкий переехал в Пензу. Его статус как крупнейшего в мире шахматного композитора-этюдиста был упрочен выходом в Берлине (где жил тогда Набоков) его первого сборника (Troitzki 1924; знакомство писателя с этой книгой более чем вероятно). В год, когда началось печатание «Дара», тоже за границей (на сей раз в Англии), был опубликован еще один сборник Троицкого (Troitzky 1937), а через год, когда печатание романа заканчивалось, появилась мировая антология шахматных этюдов, где «старый русский мастер» первенствовал по количеству представленных там произведений — 132 из 1234 (Sutherland, Lommer 1938). Любопытно, что в своей оценке автора «гениальных этюдов» Набоков совпал (уникальный случай!) с большевистским правительством — в августе 1928 г. Троицкому (единственному из шахматных композиторов за всю историю советской власти) было присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Не забыт Троицкий и сегодня — в марте 1995 г. в Санкт-Петербурге, в доме на Набережной Мойки, 91, где он жил с середины 30-х годов и умер в блокаду, открыта мемориальная доска³.

[Иллюстрация:

А. Новиков, 'Шахматы в жизни и творчестве Чернышевского',
64: *Шахматы и шашки в рабочем клубе*, 1928, № 13/14, с. 2.

Фотография]

В том номере журнала «64: Шахматы и шашки в рабочем клубе», где появилась статья о Чернышевском, на с. 22 опубликован один этюд Троицкого (№ 312) — а не два, как в «журналчике», купленном героем «Дара». Однако нам представляется, что содержание этого этюда мало соответствует описанному в романе («немногочисленные фигуры белых как бы висели над пропастью, а все-таки добивались своего»). Соображения о том, какой этюд Троицкого имел в виду Набоков, а также ответы на третий, четвертый и пятый вопросы мы надеемся изложить в нашей будущей работе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Далее все цитаты из романа приводятся по этому изданию (в скобках указывается номер страницы).

² Поскольку большинство читателей «Дара» и даже профессиональных набоковедов плохо знакомы с таким отдаленным уголком мировой культуры, каким является шахматная композиция, к работе приложен Глоссарий, поясняющий специальные термины, которыми густо насыщены комментируемые фрагменты.

³ См.: 64: *Шахматное обозрение*, 1995, № 5, 76; об А. А. Троицком см. также: Троицкий 1935; СШЭ, 108—126; Корольков, Чеховер 1959; Умнов 1978; 1983, 119—126; Бондаренко 1983, 6—26.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бондаренко, Ф. С.: 1983, *Развитие шахматного этюда*, Киев.
- Владимиров, Я.: 1999, 'Божественно бесполезная страсть: Второй мир Владимира Набокова', 64: *Шахматное обозрение*, № 4, 60—62.
- Зерчанинов, Ю.: 1999, 'Защита Набокова', Послесловие А. Р[ошаля], 64: *Шахматное обозрение*, № 4, 30.
- Корольков, В. А., В. А. Чеховер: 1959, *Избранные этюды А. А. Троицкого*, Москва.
- Костанди, О.: 1996, 'Поэтика одной шахматной задачи В. Набокова', *Блоковский сборник*, Тарту, [вып.] XIII, Русская культура XX века: Метрополия и диаспора, 206—213.
- Линдер, И.: 1960, *Л. Толстой и шахматы*, Москва.
- Набоков, В.: 1952, *Дар*, Нью-Йорк.
- Набоков, В.: 1986, 'Ночь труда и отрады: [Отрывок из книги «Другие берега»]', 64: *Шахматное обозрение*, № 16, 24—26.
- [Набоков, В.]: 1988а, 'Рецензия на книгу Е. А. Зноско-Боровского «Капабланка и Алехин»; Рецензия на книгу «Антология лунных поэтов. Перевел с лунных наречий С. Ревокатрат»; Три шахматных сонета; Шахматный конь; Из книги «Стихи и шахматные задачи»', 64: *Шахматное обозрение*, № 13, 22—26.

- [Набоков, В.]: 1988б, '[Две шахматных задачи]; Три шахматных сонета', *Аврора*, № 7, 120—121, 123—125.
- Набоков, В.: 1997, В. Сирин — В. Набоков <sic!>, 'Шахматная задача; Крестословицы', *Новое литературное обозрение*, № 23, 441—445.
- [Набоков, В.]: 1999, 'Дар волшебника: [Фрагмент из романа «Дар»]', *64: Шахматное обозрение*, № 4, 31.
- Новиков, А.: 1928а, 'Шахматы в жизни и творчестве Чернышевского', *64: Шахматы и шашки в рабочем клубе*, № 13/14, 2—3.
- Новиков, А.: 1928б, 'Толстой и шахматы', *64: Шахматы и шашки в рабочем клубе*, № 17, 7—8.
- Новиков, А.: 1941, 'Русские классики и шахматы', *Шахматы в СССР*, № 6, 192—193.
- Паперно, И.: 1993, 'Как сделан «Дар» Набокова', *Новое литературное обозрение*, № 5, 138—155.
- Романов, И., Е. Шихоботь: 1988, 'Скромный, но пламенный поклонник Каиссы; Решения и комментарии к задачам В. Набокова', *64: Шахматное обозрение*, № 13, 22—26.
- Росанов, Л., В. Линдер, И. Мильштейн: 1988, '«Защита Лужина» В. Набокова', *Шахматы в СССР*, № 1, 30—31.
- СШЭ — Советский шахматный этюд, Москва 1955.
- Троицкий, А. А.: 1935, *Сборник шахматных этюдов*, Ленинград.
- Толстая, Н., Г. Несис: 1988, 'Тема Набокова', *Аврора*, № 7, 119—125.
- Умнов, Е. И.: 1978, 'Основоположник современного этюда', *Шахматная композиция. 1974—1976*, Москва, 4—21.
- Умнов, Е. И.: 1983, *Пути шахматного творчества*, Москва.
- Штейн, Э.: 1981, 'Набоков и шахматы', *Третья волна*, № 11, 51—54.
- Штейн, Э.: 1987, 'Владимир Набоков: шахматно-поэтические коллизии творчества', *Новый журнал*, № 166, 167—175.
- Янгиров, Р.: 1997, 'Из наблюдений об опытах «ретроградного анализа» и «загадках перекрестных слов» Владимира Набокова', *Новое литературное обозрение*, № 23, 436—440.
- Cesari, J.: 1995, 'Chess and Chess Problems', *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*, New York — London, 49—50.
- Moody, F.: 1976, 'Nabokov's Gambit', *Russian Literature Triquarterly*, № 14, 67—70.
- Paperno, I.: 1992, 'How Nabokov's Gift Is Made', *Stanford Slavic Studies*, vol. 4, pt 2, 295—322.
- Sutherland, M., H. Lommer: 1938, *1234 Modern End-Game Studies (1910—1935)*, London.
- Troitsky, A.: 1937, *Collection of Chess Studies*, Leeds.
- Troitzki, A.: 1924, *500 Endspielstudien*, Berlin.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Глоссарий

Вариант(ы) — серия логически связанных между собой ходов белых и черных. В композиции различают главный (идейный, тематический) В., раскрывающий основное содержание задачи или этюда, и побочные (дополнительные, нетематические, «вялые») В., иногда обогащающие авторский замысел, но чаще носящие технический характер.

Девять пешек. Поскольку в начальной позиции каждая сторона имеет только по восемь пешек и ни одна из других фигур в пешку превратиться не может, позиция с Д. п. у черных является абсолютно нелегальной, то есть нарушающей первое формальное требование к задаче (в отличие, например, от позиций с девятью ферзями или конями). Позиции с Д. п. допустимы только в задачах-шутках (см.: *Шахматы: Энциклопедический словарь*, Москва 1990, 122).

Диаграмма — графическое изображение игровой доски (поля) и шахматной позиции. При публикации композиции Д. снабжается описанием: над Д. — инициал и фамилия автора, при первой публикации — его место жительства, при перепечатке — год и место первой публикации, а также отличия, полученные композицией на конкурсах; под Д. — задание.

Задача — искусственная (придуманная автором) позиция, в которой белым предлагается выполнить задание (дать черным мат) в точно указанное количество ходов. В зависимости от длины решения З. делятся на двухходовки (мат в 2 хода), трехходовки (мат в 3 хода) и т. д. Максимальная длина задания в такой З. — мат в 270 ходов (см.: Там же, 396). Формальные требования, предъявляемые к З., претендующей на публикацию или на участие в конкурсе: 1) легальность (возможность получить позицию З. в ходе шахматной партии); 2) решаемость (возможность выполнить задание во всех вариантах, то есть при любой защите черных); 3) единственность решения (возможность выполнить задание только тем путем, который придумал автор). Прилагательное от З. — «задачный (-ая, -ое)». Компактное изложение теории и истории З. см.: *Шахматный словарь*, Москва 1964, 557—563.

Композитор — автор (составитель) задач и этюдов. Составитель задач называется также «проблемист», составитель этюдов — «этюдист».

Ложный след («соблазнительная, но ошибочная атака») — мнимый способ решения композиции, имеющий единственное и неочевидное опровержение. Л. с., подчеркивающий тему задачи или этюда, называется «тематическим» и входит в ее содержание.

Пат — один из видов окончания шахматной партии, положение, где сторона, имеющая право хода, не может его сделать, так как все ее фигуры лишены возможности двигаться. Партия, в которой возник П., признается закончившейся вничью. В этюдах П. может быть главной темой, в задачах — только темой ложного следа. «Герметический пат» «путем втягивания и запираения собственных фигур» в композициях именуется «П. с замурованием», или «темой Клинга» (см.: Там же, 564; *Шахматы: Энциклопедический словарь*, 126).

Пешки технические («милицейские»). «В задачах и этюдах технической пешкой (фигурой) называется такая, которая не нужна для выражения идеи, а поставлена в технических целях — для устранения побочного решения, нерешаемости, дуали и т. п. <...> Наличие технических пешек — досадный, но допустимый дефект» (А. П. Грин, *Знаменитые композиции*, Москва 1973, 12).

Побочное решение — решение задачи (или этюда) способом, который отличается от задуманного автором. Полное (начинающееся с первого хода) П. р. делает композицию неправильной и лишает ее права на публикацию или на участие в конкурсах. Частичное П. р. («дуаль») в нетематических (побочных, «вальных») вариантах большинством современных композиторов и судей допускается, хотя его наличие снижает качество композиции.

Развязывание — освобождение фигуры из-под связки (так называется положение, при котором фигура не может сделать ход, поскольку прикрывает своего короля от нападения). В двух- и трехходовке может служить темой задачи. Различают «прямое» и «косвенное» Р. (см.: *Шахматный словарь*, 598; *Шахматы: Энциклопедический словарь*, 328).

Связывание (точный термин «самосвязывание») — одна из тем в двух- или трехходовке. Черные сами связывают свою фигуру на линии, направленной на их короля, чтобы в дальнейшем она оказалась развязанной. Существуют также темы «полусвязывание» и «третьесвязывание» (см.: *Шахматный словарь*, 600; *Шахматы: Энциклопедический словарь*, 311, 348, 404).

Тема — «сюжет, замысел, заложенный автором в задачу (этюда) и являющийся основой для его разработки» (Там же, 398). Перечень и характеристику основных Т. шахматной композиции см.: *Шахматный словарь*, 603—608.

Четырехходовка (четырёхходовая задача) — «задача с заданием: белые начинают и дают мат черным в 4 хода. Четырёхходовка позволяет осуществлять интересные и сложные комбинации. Это делает ее одним из самых перспективных разделов задачной композиции» (Там же, 614).

Этюда — искусственная (придуманная автором) позиция, в которой белым предлагается выполнить задание (добиться выигрыша или ничьей) без указания числа ходов. В зависимости от задания делятся на Э. на выигрыш и Э. на ничью. Формальные требования к Э. идентичны тем, что предъявляются к задаче.